

В. Г. СКЛЯРЕНКО

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛИТОВСКИХ ИНТОНАЦИЙ

Вопрос о происхождении литовских интонаций, как и славянских, невозможно решить без детальной реконструкции природы балто-славянских интонаций. Общепринято, что в балто-славянском языке существовали акутовая и циркумфлексовая интонации. Акутовую интонацию имели долгие гласные и долгие дифтонги/дифтонгические сочетания (восходящие к индоевропейским долгим гласным, долгим дифтонгам/дифтонгическим сочетаниям, долгим слоговым сонантам, двусложным сочетаниям с редуцированным *ə* во втором слоге), а циркумфлексовой интонацией характеризовались краткие дифтонги/дифтонгические сочетания (восходящие к индоевропейским кратким дифтонгам/дифтонгическим сочетаниям, кратким слоговым сонантам)¹. Большинство исследователей, говоря о природе балто-славянских интонаций, указывают, что акут имел восходящий характер, а циркумфлекс — нисходящий². Вместе с тем целый ряд ученых полагает, что индоевропейская (и балто-славянская) акутовая интонация была восходяще-нисходящей, а циркумфлексовая — нисходяще-восходящей³.

¹ Соссюр, де Ф. К вопросу о литовской акцентуации: Интонации и ударение в собственном смысле слова // Соссюр, де Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 598—619; Bezenberger A. Zum baltischen Vokalismus. Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1891. Bd. 17. S. 213—227; Stang Ch. S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo etc., 1966. S. 128; Дыбо В. А. Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981. С. 19—20, 197. Рефлексами индоевропейских долгих слоговых сонантов в балто-славянском языке были, очевидно, долгие дифтонгические сочетания *ūr, ūl, ūm, ūn, ir, il, im, in*, а рефлексами индоевропейских кратких слоговых сонантов — краткие дифтонгические сочетания *ur, ul, um, un, ir, il, im, in*.

² См. например: Stang Ch. S. Op. cit. S. 125; Булаховский Л. А. Избранные труды: В 5-ти т. Т. 4.: Славянская акцентология. Киев, 1980. С. 218.

³ Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: В 2-х т. М., 1956. Т. 1. С. 208, 358; Mikkola J. J. Urslavische Grammatik. T. 1. Heidelberg, 1913. S. 116; Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916. С. 279; Ivšić S. Slavenska poredbena gramatika. Zagreb, 1970. S. 163. Многие ученые считают, что и в праславянском языке акут характеризовался восходяще-нисходящим движением тона, а циркумфлекс — нисходяще-восходящим (см.: Селищев А. М. Введение в сравнительную грамматику славянских языков // Избранные труды. М., 1968. С. 562; Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 1: Введение. Фонетика. М., 1951. С. 235; Mikkola J. J. Op. cit. S. 118; Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 141; Ivšić S. Op. cit. S. 164—165).

Восходящий характер балто-славянского акута не вызывает сомнений, но, на наш взгляд, после повышения тона должно было следовать его понижение (до уровня остальных, неинтонированных слогов). Поэтому реконструкцию балто-славянского акута как восходяще-нисходящей интонации мы считаем более точной. Именно из-за своей двухкомпонентности (повышение тона — понижение тона) акутовая интонация, не выходя за пределы одного слога, могла находиться лишь на долгом гласном (на отдельном долгом гласном или на долгом гласном, являвшемся первым элементом долгого дифтонга/дифтонгического сочетания). Балто-славянская акутовая интонация характеризовалась повышением тона на первой мере долгого гласного и понижением тона на второй мере того же гласного⁴. Повышение и понижение тона сопровождалось соответственно усилением и ослаблением голоса. Своей вершины тон достигал на переломе между восходящим и нисходящим движениями. Это значит, что тоническая (и динамическая) вершина могла находиться или в конце восходящей части, или в начале нисходящей части, т. е. могла приходиться или на конец первой меры, или на начало второй меры долгого гласного. В протолитовских говорах тоническая и динамическая вершины при акутовой интонации находились в конце первой меры долгого гласного, в протославянских говорах — в начале второй меры⁵ (в протолатышских и протопрусских говорах — очевидно, тоже в начале второй меры⁶). Рефлексом протолитовской акутовой интонации в жемайтских говорах литовского языка является прерывистая интонация, которая в основном сохраняет природу старой акутовой: характеризуется восходяще-нисходящим движением тона, тоническая и динамическая вершины находятся в конце восходящей части (приходятся на первую половину долгого гласного или на первый

⁴ По своей природе балто-славянская акутовая интонация, очевидно, тождественна древнегреческому обремененному ударению (циркумфлексу), которое является восходяще-нисходящим и „падает лишь на долгий двухморный гласный с восходящим тоном на первой мере и нисходящим на второй“ (Тронский И. М. Древнегреческое ударение. М.; Л., 1962. С. 41).

⁵ Ivšić S. Op. cit. S. 165; Скляренко В. Г. Походження праслов'янської окситонованої акцентної парадигми // Мовознавство. 1985. № 5. С. 56.

⁶ В отношении протолатышских говоров об этом свидетельствует тот факт, что при латышской длительной интонации, которая по происхождению соответствует литовскому акуту в баритонированной акцентной парадигме, голос под конец дифтонга или долгого гласного становится сильнее и выше (см.: Endzelin J. Über den lettischen Silbenakzent // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1899. Bd. 25. S. 259). В отношении протопрусских говоров такой вывод можно сделать на основании свидетельств прусского языка типа *pogaūt* (лит. *pagáuti*), *boūt* (лит. *būti*).

элемент дифтонга/дифтонгического сочетания)⁷. В отличие от жемайтских говоров литовского языка в аукштайтских говорах, легших в основу литовского литературного языка, старые интонационные различия, на наш взгляд, были полностью утрачены, а новые возникли в результате сочетания долготы с иктусом (динамической вершиной старых интонаций). При сочетании долготы с иктусом на первой мере возникла нисходящая интонация (акут), а при сочетании долготы с иктусом на второй мере — восходящая интонация (циркумфлекс). То обстоятельство, что при протолитовской акутовой интонации тоническая и динамическая вершины находились в конце первой меры долгого гласного (ударяемой была первая мера), послужило основой для трансформации в аукштайтских говорах литовского языка былой акутовой интонации в нисходящую (через стадию — долгота с иктусом на первой мере).

В балто-славянском языке повышение тона могло иметь место не только на первой мере долгого гласного, но также на кратком гласном. При этом понижение тона происходило уже на следующем слоге (при долготности следующего слога — на первой мере долгого гласного). Восходяще-нисходящую интонацию, охватывающую две меры соседних слогов, будем называть двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией, а восходяще-нисходящую интонацию, охватывающую две меры одного и того же слога, — однослововой восходяще-нисходящей (или акутовой) интонацией.

Принято считать, что в балто-славянском (и в индоевропейском) языке слог, содержащий краткий дифтонг или краткое дифтонгическое сочетание (как и слог, содержащий долгий дифтонг или долгое дифтонгическое сочетание), был долготным⁸. Такая точка зрения, на наш взгляд, ошибочна. В балто-славянском языке вторым элементом дифтонгов и дифтонгических сочетаний (как долгих, так и кратких) являлись согласные сонанты *i*, *u*, *r*, *l*, *m*, *n* (в связи с этим среди сочетаний гласных с согласными сонантами неправомерно различать дифтонги и дифтонгические сочетания, — всех их мы будем называть дифтонгическими сочетаниями). Указанные сонанты, естественно, не

⁷ Gerullis G. *Litauische Dialektstudien*. Leipzig, 1930. S. 43, 44; Laigonaitė A. *Dėl lietuvių kalbos kirčio ir priegaidės supratimo* // *Kalbotyra*, 1958. T. 1. P. 93; Гринавецкис В. Историческое развитие ударения и интонаций жемайтских говоров литовского языка (в сравнении с латышским) // *Краткие сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР*. 1964. Вып. 41. Славянская и балтийская акцентология. С. 8; Zinkevičius Z. *Lietuvių dialektologija*. Vilnius, 1966. P. 34; Лаучюте Ю. А. Акцентуационные особенности имен существительных в жемайтском диалекте литовского языка // *Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков*. Л., 1979. С. 151.

⁸ См., например: Mikkoła J. J. *Op. cit.* S. 116; Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 139; Бернштейн С. Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. М., 1961. С. 193.

имели количества, о чем свидетельствует и тот факт, что в результате исчезновения индоевропейского редуцированного *ə* удлинялся не второй элемент дифтонгических сочетаний, после которого находился *ə*, а первый элемент (**sejəto-* > **sēito-*). Количество дифтонгического сочетания состояло только из количества слогового элемента. Именно по количеству слогового элемента долгие дифтонгические сочетания противопоставлялись кратким. Предполагать, что неслоговой элемент (согласный сонант) каким-то образом удлинял слоговой элемент краткого дифтонгического сочетания, нет оснований: такое удлинение действительно имело место в отдельных языках, но оно было обусловлено утратой слоговости вторым элементом дифтонгических сочетаний. Следовательно, в балто-славянском языке слог, содержащий краткое дифтонгическое сочетание, на наш взгляд, был краткостным. Долготным он стал лишь тогда, когда неслоговой элемент дифтонгических сочетаний получил слоговость (сонанты *i*, *u* были вокализованы, а плавные и носовые сонанты стали слогаобразующими, что, собственно, и привело к различению дифтонгов и дифтонгических сочетаний), но это произошло не в балто-славянском, а уже в пралитовском и праславянском языках. И тот факт, что слог, содержащий краткий гласный (краткостный слог) и слог, содержащий краткий по происхождению дифтонг или краткое по происхождению дифтонгическое сочетание (так называемый циркумфлектированный слог), в акцентном отношении вели себя одинаково, объясняется именно тем, что оба указанные слоги первоначально были краткостными. В балто-славянском языке повышение тона при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации имело место как на слоге, содержащем краткий гласный, так и на слоге, содержащем краткое дифтонгическое сочетание.

Поскольку в балто-славянском языке существовали два варианта восходяще-нисходящей интонации — однослоговая и двуслоговая, протолитовским говорам были свойственны два варианта неподвижной акцентной парадигмы (далее — а. п.) слов: с однослоговой восходяще-нисходящей интонацией (на долготном слоге основы) и с двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией (ударяемый слог — краткостный). В основе указанного распределения лежали чисто количественные различия ударяемого слога. Такие же два варианта неподвижной а. п. были свойственны и протославянским (а также протолатышским и протопрусским) говорам, но, поскольку при протославянской (а также, очевидно, протолатышской и протопрусской) восходяще-нисходящей интонации тоническая и динамическая вершины находились на второй интонированной ноге, во втором варианте неподвижной а. п. протославянских (а также, очевидно, протолатышских и протопрусских) говоров ударяемым выступал второй интонированный слог. Это послужило причиной

для выделения в славянском языке окситонированной а. п. в тех случаях, когда вторым интонированным слогом являлся слог, содержащий тематический гласный⁹.

Подвижность ударения в балто-славянском языке заключалась в чередовании акцента между крайними слогами форм слова¹⁰, а точнее, между крайними морями форм слова¹¹. Формы с ударением на первом слоге будем называть начальноударяемыми, или баритонированными, а формы с ударением на конечном слоге — конечноударяемыми, или окситонированными. Имеются основания считать, что первоначально в балто-славянском языке в именах с подвижной а. п. начальноударяемыми были формы дательного и винительного падежей (единственного, множественного и двойственного числа), а конечно-ударяемыми — формы именительного, родительного, творительного и местного падежей (единственного, множественного и двойственного числа)¹². По мнению Е. Куриловича, первоначально „сильными“ (т. е. ударяемыми на первой море) были формы винительного падежа (и, возможно, дательного) единственного числа, а также именительного и винительного падежей множественного и двойственного числа¹³.

Балто-славянский принцип чередования ударения между крайними морями форм слова действовал во всех говорах балто-славянского языка, но результаты его действия, например, в протолитовских и в протославянских говорах были различными из-за имевшегося в этих говорах различия в природе восходяще-нисходящей интонации. Поскольку в протолитовских говорах при восходяще-нисходящей интонации (однослоговой и двуслоговой) тоническая и динамическая вершины находились на первой интонированной море (ударяемой была первая интонированная мора), то в баритонированных формах слов с акцентным чередованием долгий гласный (в том числе и долгий гласный дифтонгических сочетаний) начального слога получил однословую

⁹ Существование окситонированной а. п. в прусском языке предполагают многие ученые (Фортунатов Ф. Ф. Об ударении и долготе в балтийских языках. I. Ударение в прусском языке // Русский филологический вестник. 1895. Кн. 33. С. 271—272; Van Wijk N. Die baltischen und slavischen Akzent-und Intonationssysteme: Ein Beitrag zur Erforschung der baltisch-slavischen Verwandtschaftsverhältnisse. Amsterdam, 1923. S. 46; Stang Ch. S. Op. cit. S. 288—289, 300; Stang Ch. S. Slavonic accentuation. Oslo, 1957. P. 174).

¹⁰ Stang Ch. S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo, 1966. S. 134, 290; idem Slavonic accentuation, P. 174; Дыбо В. А. Указ. соч. С. 30; Колесов В. В. История русского ударения: Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972. С. 62.

¹¹ Склярёнок В. Г. Ранньопраслов'янська рухома акцентна парадигма // Мовознавство. 1986. № 5. С. 55, 56.

¹² Там же. С. 50—55.

¹³ Курилович Е. О балто-славянском языковом единстве // Вопр. слав. языкознания. 1958. Вып. 3. С. 46—47.

восходяще-нисходящую интонацию, а на краткий гласный (в том числе и на краткий гласный дифтонгических сочетаний) начального слога пришелся первый компонент двуслоговой восходяще-нисходящей интонации — повышение тона (понижение тона происходило на следующем слоге). В окситонированных формах слов с акцентным чередованием краткий гласный (в том числе и краткий гласный дифтонгических сочетаний) конечного слога также получил первый компонент восходяще-нисходящей интонации — повышение тона, но понижение тона происходило уже в паузе после слова в результате ослабления голосовых связок. Протолитовскую интонацию краткого гласного (в том числе и краткого гласного дифтонгических сочетаний) конечного слога в окситонированных формах слов с акцентным чередованием будем называть краткой восходящей. Если в окситонированных формах слов с акцентным чередованием конечный слог содержал в себе долгий гласный (в том числе и долгий гласный дифтонгических сочетаний), то повышение тона в протолитовских говорах (и вообще в балто-славянском языке) не могло происходить на второй мере долгого гласного; оно могло происходить лишь на первой мере долгого гласного, в связи с чем долгий гласный конечного слога получил однословную восходяще-нисходящую интонацию. В каждом таком случае имело место нарушение балто-славянского принципа чередования ударения (между крайними морями форм слова), но отклонение было фонетически обусловленным. На наш взгляд, нарушение принципа акцентного чередования имело место, в частности, в формах именительного падежа единственного числа и творительного падежа множественного числа имен существительных *ā*-основ: **gālvá*, **gālvāmis*, но местн. п. мн. ч. **gālvāsù* (с краткой восходящей интонацией на конечном гласном). Следовательно, в протолитовских говорах существовали два варианта подвижной а. п. слов: с однословной восходяще-нисходящей интонацией на начальном слоге (долготном) в баритонированных формах слова и с двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией на первых двух слогах (начальный слог — краткостный) в баритонированных формах слова. В основе указанного распределения лежали чисто количественные различия начального слога (ударяемого в баритонированных формах слов с подвижной а. п.).

Совершенно другими были результаты действия балто-славянского принципа чередования ударения (между крайними морями форм слова) в протославянских (а также, очевидно, в протолатышских и в протопрусских) говорах. Поскольку в протославянских (а также, очевидно, в протолатышских и в протопрусских) говорах при восходяще-нисходящей интонации (однословной и двуслоговой) тоническая и динамическая вершины находились на второй интонированной мере (ударяемой была вторая интонированная мера), то в ба-

ритонированных формах слов с акцентным чередованием на начальную мору (на первую мору долгого гласного или на краткий гласный начального слога) пришелся второй компонент восходяще-нисходящей интонации — понижение тона. Повышение тона обеспечивалось соответствующим напряжением голосовых связок в паузе перед началом слова. Протославянскую (а также, очевидно, протолатышскую и протопрусскую) интонацию долгого гласного (в том числе и долгого гласного дифтонгических сочетаний) начального слога в баритонированных формах слов с акцентным чередованием будем называть долгой нисходящей, а интонацию краткого гласного (в том числе и краткого гласного дифтонгических сочетаний) начального слога — краткой нисходящей. В окситонированных формах слов с акцентным чередованием долгий гласный (в том числе и долгий гласный дифтонгических сочетаний) конечного слога получил однослоговую восходяще-нисходящую интонацию, а на краткий гласный (в том числе и на краткий гласный дифтонгических сочетаний) конечного слога пришелся второй компонент двуслоговой восходяще-нисходящей интонации — понижение тона, но лишь в том случае, если предыдущий слог, на котором происходило повышение тона, был краткостным. Если предыдущий слог был долготным, то повышение тона не могло происходить ни на второй море долгого гласного, ни на всем долгом гласном; оно могло происходить лишь на первой море долгого гласного, в связи с чем долгий гласный предпоследнего слога получил однослоговую восходяще-нисходящую интонацию, а конечный краткостный слог остался без ударения. Такое отклонение от балто-славянского принципа чередования ударения (между крайними морями форм слова) было вынужденным, фонетически обусловленным. На наш взгляд, оно имело место, в частности, в форме местного падежа множественного числа имен существительных *ā*-основ, т. е. мы считаем, что праславянская форма **goļvāxь* (с акутовой интонацией на тематическом гласном *ā*) сохраняла первоначальное место ударения и первоначальную интонацию, а праславянская форма **goļvāmi* (ст. **goļvāmi*) возникла под влиянием **goļvāxь*. Следовательно, в отличие от протолитовских говоров, где существовали две подвижные акцентные парадигмы, в протославянских (а также, очевидно, в протолатышских и протопрусских) говорах имела место лишь одна подвижная акцентная парадигма (с долгой или краткой нисходящей интонацией на начальном слоге в баритонированных формах слов), унаследованная праславянским (а также, очевидно, пралатышским и прапрусским) языком.

Исходя из сказанного об интонационном оформлении акцентного чередования в протолитовских и протославянских говорах, следует отклонить положение А. Мейе (так называемое правило Мейе), что в праславянском языке акутовая интонация была заменена циркумфлексовой в именах, где суще-

ствовала подвижность ударения¹⁴ (т. е. под влиянием имен подвижной а. п. с первоначальной циркумфлексовой интонацией). В праславянском языке не было имен подвижной а. п. с акутовой интонацией начального слога в баритонированных формах слов. Перенесение на славянскую почву двух литовских подвижных а. п. имен является ошибочным.

Таким образом, если рассматривать варианты подвижной и неподвижной акцентных парадигм как отдельные парадигмы, в протолитовских говорах существовали четыре акцентные парадигмы слов (две неподвижные и две подвижные):

1-я а. п. (неподвижная) — с однослоговой восходяще-нисходящей интонацией на одном и том же слоге основы (долготном) во всех формах слова;

2-я а. п. (неподвижная) — с двухслоговой восходяще-нисходящей интонацией на одних и тех же двух слогах (ударяемый слог — краткостный) во всех формах слова;

3-я а. п. (подвижная) — с однослоговой восходяще-нисходящей интонацией на начальном слоге (долготном) в баритонированных формах слова;

4-я а. п. (подвижная) — с двухслоговой восходяще-нисходящей интонацией на первых двух слогах (ударяемый слог — краткостный) в баритонированных формах слова.

Пралитовский язык унаследовал все четыре типа протолитовских акцентных парадигм и все три протолитовские интонации (однослоговую восходяще-нисходящую, двухслоговую восходяще-нисходящую, краткую восходящую), являвшиеся, в сущности, вариантами одной интонации — восходяще-нисходящей. В пралитовском языке акутированные долгие гласные конечного слога в формах слов с подвижной а. п. сократились (закон Лескина)¹⁵, в результате чего однослоговая восходяще-нисходящая интонация на долгих гласных, подвергшихся сокращению, трансформировалась в краткую восходящую, ср. лит. им. п. ед. ч. *galvà*, творит. п. мн. ч. *galvomìs*. На наш взгляд, указанное сокращение — результат действия протолитовского (и пралитовского) принципа акцентного чередования (чередования между крайними морями), одержавшего верх и там, где он был нарушен. Сокращение конечных акутированных долгих гласных в формах слов с подвижной а. п. (3-й или 4-й) было обобщено также неподвижными а. п. (1-й и 2-й) соответствующего класса слов. В словах со 2-й а. п. в тех случаях, когда конечный слог с сокращающимся долгим гласным был охвачен двухслоговой восходяще-нисходящей интонацией (яв-

¹⁴ Мелье А. О некоторых аномалиях ударения в славянских именах // Рус. филол. вестн. 1902. Т. 48. № 3–4. С. 195, 200.

¹⁵ Leskien A. Die Quantitätsverhältnisse im Auslaut des Litauischen // Arch. slav. Philol. 1881. Bd. 5. S. 189.

лялся вторым интонированным слогом), ударение (тоническая и динамическая вершины) переместилось с первого интонированного слога на второй интонированный слог, а точнее, с конца первого интонированного слога на начало второго интонированного слога, ср. лит. *rankà* (им. п. ед. ч.), но *raĩka* (вин. п. ед. ч.); *vedù* (1 л. ед. ч.), но *vėda* (3 л.). Указанное литовское передвижение ударения на конечный слог обычно объясняется действием закона де Соссюра, согласно которому „в некоторую эпоху, предшествующую распадению на диалекты (которая во всем остальном не определена), ударение регулярно переносилось на последующий слог, когда оно падало на слог с циркумфлексной (*geschliffen*) интонацией, непосредственно после которого находился слог с акутовой (*gestossen*) интонацией“¹⁶. Речь идет, собственно, о перенесении ударения со слога с восходящей интонацией на последующий слог с нисходящей интонацией¹⁷. На наш взгляд, литовское передвижение ударения по закону де Соссюра является передвижением в пределах двух последних слогов, охваченных двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией: с первого интонированного слога (краткостного), характеризовавшегося повышением тона, на второй интонированный слог (с сокращающимся долгим гласным), характеризовавшийся понижением тона (точнее, с конца первого интонированного слога на начало второго интонированного слога). Следует подчеркнуть, что в отношении закона де Соссюра наша позиция очень близка к позиции Е. Куриловича, который этот закон тоже понимает как передвижение ударения с предпоследнего слога на конечный и причиной указанного передвижения ударения тоже считает сокращение некоторых литовских окончаний, но, вопреки закону Лескина, полагает, что сокращение некоторых литовских окончаний происходило без участия и влияния интонации¹⁸.

В пралитовском языке долгие дифтонгические сочетания претерпели сокращение долготы слогового элемента, а неслоговой элемент в позиции перед согласным (а также в конце слова) получил слоговость, т. е. согласные сонанты *u*, *i* вокализировались, а плавные и носовые (*r*, *l*, *m*, *n*) стали слогообразующими. Поскольку однословная восходяще-нисходящая интонация

¹⁶ Соссюр, де Ф. Литовская акцентуация // Соссюр, де Ф. Труды по языкознанию. С. 620.

¹⁷ Ф. де Соссюр, говоря о причинах установленного им перенесения ударения, указывает на близость тонических вершин при восходящей интонации ударяемого слога и нисходящей интонации последующего (неударяемого) слога, что создавало критическое положение для ударения (Соссюр, де Ф. Литовская акцентуация. С. 620; Дыбо В. А. Работы Ф. де Соссюра по балтийской акцентологии // Соссюр, де Ф. Труды по языкознанию. С. 586).

¹⁸ Kuryłowicz J. L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952. P. 243 — 245, 507.

долгих дифтонгических сочетаний находилась на долгом слоговом элементе, то сокращение этого элемента привело к определенной трансформации однослоговой восходяще-нисходящей интонации: теперь на сократившемся слоговом элементе оставалось лишь повышение тона (с тонической и динамической вершинами), а понижение тона переместилось или на второй элемент дифтонгического сочетания (если этот элемент получил слоговость: находился в позиции перед согласным или в конце слова), или на следующий слог слова (если второй элемент дифтонгического сочетания не получил слоговости: находился в позиции перед гласным), ср., например, инф. **bártei* > **bártei*, но 1 л. ед. ч. **bārō* > **bārō* (знаком ` обозначаем повышение тона на кратком гласном, понижение тона на следующем слоге не обозначаем). В первом случае однослоговая восходяще-нисходящая интонация оставалась в том же слоге, во втором она выходила за пределы одного слога (становилась двуслоговой). В пралитовском языке чередование однослоговой восходяще-нисходящей интонации с двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией типа **bártei*, **bārō* (> лит. *bárti* 'бранить', *barù*) было свойственно целому ряду глаголов с дифтонгическим сочетанием (первоначально долгим) в корне, ср. лит. *kálti* 'вбивать', *kalù* (3 л. *kāla*); *málti* 'молотить', *malù* (*māla*); *tirti* 'исследовать', *tiriù* (*tiria*); *dūmti* 'дуть', *dumiù* (*dūmia*); *minti* 'мять', *minù* (*mina*).

В пралитовском языке слоговость получил не только второй элемент долгих дифтонгических сочетаний, но и второй элемент кратких дифтонгических сочетаний (в позиции перед согласным, а также в конце слова). Слог, содержащий краткое дифтонгическое сочетание, при получении слоговости вторым элементом дифтонгического сочетания (согласным сонантом) становился долготным. Если долготным становился первый из двух слогов, охваченных двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией, то интонационное оформление этого слога происходило по-разному в протоаукштайтских и в протожемайтских говорах пралитовского языка. В протоаукштайтских говорах повышение тона охватило оба элемента дифтонга или дифтонгического сочетания, причем тоническая и динамическая вершины, которые при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации всегда находились в конце восходящей части тона (в конце первого интонированного слога), пришлись на второй элемент дифтонгов и дифтонгических сочетаний; понижение тона оставалось на следующем слоге. В связи с утратой в аукштайтских говорах литовского языка старых интонационных различий повышение тона на ставшем долготным первом интонированном слоге (содержащем дифтонг или дифтонгическое сочетание) трансформировалось в литовскую восходящую интонацию — циркумфлекс (через стадию — долгота с иктусом на втором элементе), ср. лит. *piřštas* 'палец', *skiētas* 'бёрдо', *vařtai* 'ворота'. Циркумфлекс в литовском литератур-

ном языке имеют также удлинившиеся гласные *a*, *e* неконечного слога, на которые в пралитовском языке приходился первый компонент двуслоговой восходяще-нисходящей интонации, ср. лит. *pãdas* 'под; подошва', *šãmas* 'сом', *bẽbrus* 'бобр'. Считается, что в литовском языке подударные краткие гласные *a*, *e* в неконечном слоге удлинились (в отличие от подударных кратких гласных *i*, *u*, сохранивших краткость) и получили циркумфлекс¹⁹. На наш взгляд, циркумфлекс удлинившихся гласных *a*, *e* является рефлексом повышения тона (первого компонента двуслоговой восходяще-нисходящей интонации) на удлинившихся гласных (повышение тона охватило весь удлинившийся гласный, причем тоническая и динамическая вершины пришлись на конец удлинившегося гласного), т. е. мы считаем, что во время удлинения подударных кратких гласных *a*, *e* в акуштайтских говорах литовского языка еще существовала двуслоговая восходяще-нисходящая интонация пралитовской природы. Если гласный с повышением тона (первым компонентом двуслоговой восходяще-нисходящей интонации) в аукштайтских говорах литовского языка оставался кратким (гласные *i*, *u*), на нем возникло литовское краткое ударение (динамическое ударение на месте динамической вершины былой двуслоговой восходяще-нисходящей интонации), ср. лит. *dũgnas* 'дно', *dũrys* 'двери', *ki-biras* 'ведро'.

Следует подчеркнуть, что до получения слоговости вторым элементом кратких дифтонгических сочетаний повышение тона при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации в пралитовском языке происходило только на краткостном слоге: после получения слоговости вторым элементом кратких дифтонгических сочетаний (и превращения в связи с этим краткостного слога, содержащего краткое дифтонгическое сочетание, в долготный слог) повышение тона при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации в протоаукштайтских говорах пралитовского языка происходило как на краткостном, так и на долготном слоге.

В протожемайских говорах первый интонированный слог с кратким дифтонгическим сочетанием, став долготным в связи с получением слоговости вторым элементом дифтонгических сочетаний, интонационно оформился иначе, чем в протоаукштайтских говорах: повышение тона осталось на первом элементе дифтонгического сочетания, а понижение тона переместилось со второго интонированного слога на получивший слоговость второй элемент дифтонгического сочетания. То же самое происходило при удлинении кратких гласных в некоторых жемайтских говорах: повышение тона оставалось на ста-

¹⁹ См., например: Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego. T. 1. Warszawa, 1958. S. 223—236.

ром количестве, а понижение тона перемещалось со второго интонированного слога на новое количество, которое в первом из двух слогов, охваченных двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией, всегда размещалось после старого количества. Таким образом, на кратких по происхождению дифтонгах и дифтонгических сочетаниях в протожемайтских говорах возникла однослоговая восходяще-нисходящая интонация, которая отличалась от однослоговой восходяще-нисходящей интонации на долгих гласных и на долгих по происхождению дифтонгах и дифтонгических сочетаниях, очевидно, прежде всего меньшим (а следовательно, и не таким резким) повышением тона. Протожемайтскую однослоговую восходяще-нисходящую интонацию на кратких по происхождению дифтонгах и дифтонгических сочетаниях будем называть новой однослоговой восходяще-нисходящей интонацией. Различие в протожемайтских говорах двух однослоговых восходяще-нисходящих интонаций (исконной однослоговой и новой однослоговой, возникшей вследствие стяжения двуслоговой), очень близких по природе, вызывало определенные трудности (особенно в быстрой речи), в связи с чем указанные две интонации со временем должны были бы совпасть. Этого не случилось, так как исконная однослоговая восходяще-нисходящая интонация в протожемайтских говорах существенно изменила свою природу: резкое повышение тона внезапно обрывалось, не дойдя до своей прежней вершины, а через мгновение происходило резкое понижение тона; в связи с этим вместо одной тонической вершины возникли две (конец восходящего тона и начало нисходящего тона), но первая вершина была выше и сильнее второй, т. е. тоническая (и динамическая) вершина интонации оставалась в конце восходящего тона. Таковую протожемайтскую видоизмененную однослоговую восходяще-нисходящую интонацию (как бы с усеченной тонической вершиной) будем называть прерывистой интонацией. Протожемайтским новой восходяще-нисходящей и прерывистой интонациям в современных жемайтских говорах соответствуют восходящая (или протяжная) и прерывистая интонации. Можно сказать, что обе современные жемайтские интонации в основном сохраняют природу соответствующих протожемайтских интонаций. При жемайтской восходящей интонации (на дифтонге/дифтонгическом сочетании или на удлинившемся гласном) тон в начале незначительно поднимается и в конце несколько снижается; сила голоса концентрируется на первом элементе дифтонга/дифтонгического сочетания или в начале удлинившегося гласного²⁰ (жем. *pēršts* 'палец', *rõnka*

²⁰ См.: Gerulis G. Op. cit. S. 39; Laigonaitė A. Op. cit. P. 90—91; Гринавецкис В. Указ. соч. С. 7; Лаучюте Ю. А. Указ. соч. С.151.

‘руку’²¹, ср. литер. *piřštas, raĩka*). При жемайтской прерывистой интонации (на долгом гласном или на дифтонге/дифтонгическом сочетании) тон сначала резко поднимается вверх и в момент своей кульминации внезапно прерывается на мгновение (или сильно ослабевает), а затем резко падает; сила голоса концентрируется в конце восходящей части, т. е. в начале долгого гласного или на первом элементе дифтонга/дифтонгического сочетания²² (жем. *dũms* ‘дым’, *brũolis* ‘брат’, ср. литер. *dũmas, brõlis*).

Таким образом, если протожемайтская исконная однослоговая восходяще-нисходящая интонация, видоизменившаяся в протожемайтскую прерывистую интонацию, фактически сохранилась в жемайтских говорах, то этого нельзя сказать о протожемайтской двуслоговой восходяще-нисходящей интонации. В тех случаях, когда первый из двух слогов, охваченных двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией, стал долготным (содержал дифтонг/дифтонгическое сочетание или удлинившийся гласный), двуслоговая восходяще-нисходящая интонация, как отмечено выше, трансформировалась (стянулась) в новую однослоговую восходяще-нисходящую интонацию, фактически сохранившуюся в жемайтских говорах (в восходящей или протяжной интонации). В тех случаях, когда гласный второго интонированного слога, являющегося в то же время конечным, в результате редукции исчез, и в связи с этим в оставшемся интонированном слоге возникло новое дифтонгическое сочетание (*a, e, i, u+r, l, m, n*), такое дифтонгическое сочетание имеет в жемайтских говорах прерывистую интонацию (жем. *nõms* ‘дом’, но вин. п. *nõta*; ср. литер. *nãmas*, вин. п. *nãta*), свидетельствующую о существовании двуслоговой восходяще-нисходящей интонации во время редукции гласных конечного слога в жемайтских говорах (понижение тона переместилось с исчезающего гласного конечного слога на предыдущий сонант, ставший в позиции перед согласным слогообразующим). В остальных случаях (первый из двух интонированных слогов не стал долготным; при исчезновении гласного второго интонированного слога, являющегося в то же время конечным, в оставшемся интонированном слоге не возникло новое дифтонгическое сочетание) движение тона при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации в жемайтских говорах было бесследно утрачено, и слог (оставшийся краткостным или

²¹ Здесь и ниже примеры из жемайтских говоров приводятся по работе Ю. А. Лаучюте (Указ. соч. С. 143–191), в которой исследуется акцентуация одного жемайтского наречия, бытующего в северо-западной части территории, где преобладает говор кретингишкяй (традиционно-доунининкай) и где наиболее ярко выражены основные особенности жемайтской просодики.

²² См.: Gerulis G. Op. cit. S. 43, 44; Laigonaitė A. Op. cit. P. 93; Гринавецкис В. Указ. соч. С. 8; Лаучюте Ю. А. Указ. соч. С. 151.

ставший слогом средней долготы), на котором раньше находились тоническая и динамическая вершины двуслоговой восходяще-нисходящей интонации (т. е. первый из двух интонированных в прошлом слогов), теперь характеризуется динамическим ударением (жем. *ràts* 'колесо', *ėglė* 'ель', ср. литер. *rā-tas*, *ėglė*).

Сокращение первого элемента долгих дифтонгических сочетаний и получение слоговости вторым элементом дифтонгических сочетаний (как первоначально долгих, так и первоначально кратких) имело место не только в пралитовском языке, но и в праславянском, причем второй элемент дифтонгических сочетаний в праславянском языке получал слоговость в тех же позициях, что и в пралитовском (перед согласным и в конце слова). Существует мнение, что в праславянском языке второй элемент дифтонгических сочетаний получил слоговость в результате действия закона открытого слога²³. Это положение следует отклонить хотя бы потому, что в пралитовском языке закон открытого слога не действовал, но тем не менее второй элемент дифтонгических сочетаний слоговость получил. Мы считаем, что в пралитовском и праславянском языках получение слоговости вторым элементом долгих дифтонгических сочетаний было вызвано одной и той же причиной: сокращением долготы слогового элемента долгих дифтонгических сочетаний. Под влиянием долгих дифтонгических сочетаний согласный сонант кратких дифтонгических сочетаний также получил слоговость как в пралитовском языке, так и в праславянском. Е. Курилович полагает, что сокращение долгих дифтонгических сочетаний произошло в балто-славянском языке²⁴. Однако тот факт, что двуслоговая восходяще-нисходящая интонация, первый компонент которой (повышение тона) приходился на слог с кратким дифтонгическим сочетанием, по-разному развивалась на почве аукштайтских и жемайтских говоров в связи с получением слоговости вторым элементом дифтонгических сочетаний, позволяет, на наш взгляд, сделать вывод, что получение слоговости вторым элементом дифтонгических сочетаний, а значит, и сокращение долгих дифтонгических сочетаний происходили уже в диалектный период пралитовского языка.

²³ См., например: Бошквич Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков: Фонетика и словообразование. М., 1984. С. 76, 89.

²⁴ Курилович Е. Указ. соч. С. 34.

THE ORIGIN OF INTONATION IN LITHUANIAN

Summary

The article deals with the origin of intonation both in the Aukštaičiai and Žemaičiai dialects. In proto-Lithuanian dialects and common Lithuanian language there was a rise-fall intonation that could have been monosyllabic (if the intonated syllable was long) and disyllabic (if the first intonated syllable was short). In proto-Lithuanian dialects the syllable obtaining a short diphthongal combination (a short vowel + sonant) was short. The tonic and dynamic peaks in the rise-fall intonation were at the end of the rising part of tone (either at the end of the first mora of the long vowel or at the end of short vowel of the first intonated syllable).

In Aukštaičiai dialects, which constituted the basis of the Lithuanian literary language, the old intonational differences had been entirely lost, and the new ones were formed as a combination of length with iktus (the dynamic peak of the old intonations). The combination of length with iktus in the first mora gave origin to falling intonation (acute), and the combination of length with iktus in the second mora produced rising intonation (circumflex). The common Lithuanian monosyllabic rise-fall intonation was transformed into Lithuanian falling intonation. The common Lithuanian disyllabic rise-fall intonation, in cases when the first intonated syllable became lengthened (in connection with this the rise of the tone in proto-Aukštaičiai dialects covered the whole lengthened syllable, and the tonic and dynamic peaks occurred at the end of the rising part of the tone) was transformed into the Lithuanian rising intonation in the lengthened syllable.

The old intonational differences in Žemaičiai dialects were not entirely lost but were essentially changed. The common Lithuanian monosyllabic rise-fall intonation was transformed into the Žemaičiai broken intonation. The common Lithuanian disyllabic rise-fall intonation in cases when the first intonated syllable became lengthened (in connection with this the fall of the tone in proto-Žemaičiai dialects shifted from the second intonated syllable to the first intonated syllable which became lengthened) was transformed into the Žemaičiai rising intonation in the lengthened syllable.